

Рецензируемая монография посвящена описанию принципов словоизменения важнейших диалектов даргинского языка в сравнении с таковыми мегебского идиома, квалифицированного автором в качестве мегебского языка, и представляет собой опыт сравнительного исследования морфологических категорий. Исследование построено на материале наиболее расходящихся друг от друга диалектов и ведется в сопоставительном и сравнительно-историческом планах, что призвано подготовить базу для разработки сравнительной грамматики лакско-даргинской группы дагестанских языков.

Необходимо отметить, что, приступая к подготовке почвы для создания сравнительной грамматики даргинского и лакского языков, находящихся в относительно близких генетических отношениях, автор, естественно, столкнулся с недостаточной подготовленностью даргинской стороны вопроса, поскольку исследования в области грамматики, которые со времен П. К. Услара проводились на даргинском материале, ограничивались рамками отдельных диалектов. Поэтому автору работы пришлось нацелить свое исследование на преимущественное изучение диалектов цудахарской группы. С этой целью им был собран и обобщен материал по чирахскому, хайдакскому и собственно цудахарскому диалектам. Привлечены также материалы таких неизученных диалектов ветви «р», как дигбашинский, кичигамринский, гирганский (вернее — гергинский) и губденский. Автору работы, впервые приступившему к сравнительному изучению столь разнящихся идиом даргинского ареала, пришлось также заново поставить вопрос, является ли даргинский язык в лингвистическом смысле единым целым, состоящим из отдельных диалектов и говоров, или мы имеем здесь дело с группой языков, в основе которых лежит общедаргинское состояние.

Многолетний опыт сопоставительного описания материала даргинских идиомов и внимательное изучение традиции убедили автора книги в том, что современное состояние диалектной дифференциации даргинского ареала таково, что в последнем в качестве самостоятельного языка, кроме нередко выделяемых кубачинского и хайдакского, можно выделить еще чирахский и мегебский идиомы. Эти идиомы, как он отмечает, «по своему лингвистическому статусу могут быть описаны как идиомы-языки» (с. 12). Вместе с тем нам осталось не вполне ясным, почему далее эти идиомы автор именует диалектами, а мегебский, который, на наш взгляд, стоит все же ближе к даргинскому лите-

ратурному языку, чем хайдакский, кубачинский и чирахский, называет языком. Впрочем, при этом автор делает оговорку, что он учитывает и ряд факторов социолингвистического характера (имеется в виду то, что носители кубачинского, хайдакского и чирахского идиомов обслуживают даргинский литературный язык, в то время как носители мегебского идиома этот язык не обслуживают, а также осознание ими своей этнической самостоятельности).

Кроме того, заявляя о том, что различия между идиомами обеих ветвей (хайдакской и акушинской) и мегебским языком еще более контрастны, автор работы не вполне четко обозначил общее место мегебской речи в даргинском ареале. Действительно, если сравнить диалекты хайдакской ветви с диалектами акушинской ветви лингвистически, самым отдаленным окажется мегебский идиом, входящий в акушинскую ветвь. Столь же отдаленным он будет, если сравнить его с другими диалектами самой акушинской ветви. Но если сопоставить все три единицы (идиомы хайдакской ветви, идиомы акушинской ветви и мегебский идиом), то идиомы акушинской ветви и мегебский выглядят ближе друг к другу, чем идиомы хайдакской ветви и идиомы акушинской ветви или идиомы хайдакской ветви и мегебский идиом. Следовательно, мегебская речь не может претендовать на максимальную удаленность от других даргинских идиомов или литературного языка. Если принять во внимание критерий взаимопонимания говорящих на составляющих даргинского подразделения, то, на наш взгляд, в качестве самостоятельных, хотя и близкородственных языков даргинского подразделения, можно назвать собственно даргинский, кубачинский, чирахский, хайдакский и в некоторой степени мегебский.

Подчеркнем в этой связи, что мнение С. М. Хайдакова, одного из современных дагестановедов, близко знакомого с диалектной дифференциацией даргинского языка, по рассматриваемому здесь вопросу для нас ценно тем, что этот вопрос, не сходящий со страниц даргиноведческих работ, начиная с П. К. Услара, поставлен им тогда, когда многие ранее не изученные ингредиенты даргинского подразделения оказались, наконец, более или менее изученными. Кроме того, если этот вопрос до сих пор решался по данным фонетики, то в работе С. М. Хайдакова он решается на сравнительном изучении морфологии даргинских идиомов, что, разумеется, делает более убедительным его окончательное решение.

Возвращаясь к тому, в какой степени автору монографии удалось решить поставленные задачи, можно отметить, что в большинстве случаев ему это действительно удалось.

Прежде всего, присоединяясь к традиции, автор справедливо отмечает, что на каком-то хронологическом отрезке в общедаргинском состоянии должны были сложиться два диалекта, положивших начало современным диалектам ветви «д» и ветви «р». Хотя в общей форме об этом говорили и другие специалисты (Е. А. Бокарев, Б. К. Гигинейшвили и т. д.), С. М. Хайдаков подкрепляет это мнение данными морфологии изученных им диалектов. Предшествующие наблюдения о расхождении в фонетике и морфологии обеих ветвей он подкрепляет новыми примерами, уточняет их в деталях и дополняет. На базе сравнения большого материала автор замечает, что «для даргинских идиомов весьма характерна вариативность слов на фонетическом уровне». Выясняя соотношение мегебского идиома с представителями обеих ветвей, С. М. Хайдаков приходит к безусловно верному заключению о том, что вычленившийся из ветви «р» (акушинской ветви) мегебский идиом, развиваясь в изоляции от остальных диалектов даргинского языка, сохранил ряд архаичных черт морфологии.

Рецензируемая работа состоит из двух частей. В первой — «Именное словоизменение» — рассматриваются вопросы образования множественного числа и склонения существительных, функционирования местоимений в чирахском, хайдакском, цудахарском, акушинском диалектах и в мегебском «языке».

Проанализировав образование плюратальных форм имен существительных в мегебском в сравнении с другими диалектами даргинского ареала, автор устанавливает, что совпадение форм мн. числа существительных даргинских идиомов отмечается в незначительном числе слов (оно наблюдается в основном в терминах родства). Автором, в частности, замечена зависимость способа образования мн. числа от структуры слова. Так, например, в чирахском диалекте для двусложных слов наличие ударения на первом слоге является признаком ед. числа, а на втором — мн. числа. В результате сравнительного анализа образования форм мн. числа автор заключает, что плюральные показатели *-еь* (*-е*, *-и*), *-беь* (*-бе*, *-би*), *-неь* (*-не*, *-ни*), *-меь* (*-ме*, *-ми*) восходят к общедаргинскому состоянию (данный перечень общедаргинских показателей мы дополнили бы аффиксами *-ри*, *-ди*, *-хъа-ли*). Рассмотрение склонения имени существительного автор начинает с разбора взглядов специалистов на число

падежей в даргинском языке. Здесь адекватно определены причины, породившие разные точки зрения о числе падежей в даргинском языке вследствие, во-первых, расхождения самих подходов к понятию падежа и, во-вторых, из-за неодинакового числа падежей в даргинских диалектах. Наибольшие расхождения в диалектах прослеживаются в системе местных падежей. Здесь же высказан ряд таких интересных наблюдений относительно синхронии и диахронии падежной системы даргинского языка, как зависимость употребления тех или иных серий от семантики склоняемого слова, формальное расхождение значений «на чем?» и «над чем?», различение семантических субполей «в сплошной массе» и «в пустотелом предмете», «на горизонтальной поверхности» и на вертикальной поверхности, «нахождение плотно соприкасающаяся и нахождение около или рядом». С. М. Хайдаков указывает на необходимость выделения «промежуточных» падежей и высказывает предположение о существовании в прошлом какого-то полифункционального падежа, от которого затем стали отпочковываться те или иные субъектно-объектные; что касается отдельных современных синтетических форм, то они, по автору, получены из первичных аналитических и т. д.

В заключении раздела показаны сходения и расхождения в образовании падежей мегебского и других идиомов даргинского ареала. Отмечается, что мегебский комитатив заметно отличается от комитатива других даргинских идиомов, и то, что парадигма существительных в даргинских идиомах во многих случаях развивалась долгое время обособленно.

Выявлены различные диалектные варианты личных, указательных, вопросительных, отрицательных и неопределенных местоимений, особенности их склонения и образования форм мн. числа. Этим еще раз подтверждается мнение о длительном пути самостоятельного развития даргинских диалектов (с. 88).

Вторая часть книги целиком посвящена описанию глагола. Глагольные корни делятся на однокоронные и тяжелые; устанавливаются не пяти-, а шестичленная система именных классов в мегебском и пять фонологических типов корневой морфемы глагола; выделяются четыре класса глаголов (непереходные, переходные, *verba sentiendi* и переходно-возвратные). К числу других интересных наблюдений здесь относятся: уточнение различия между юссивом и опативом, вторичность тяжелых корней, унаследованные мегебским способов видообразования из общедаргинского состояния, изолированное развитие форм условного наклонения в идиомах даргинского языка.

Вторая часть книги завершается специальным разделом, посвященным вопросу генезиса личного спряжения, где автор излагает также ряд интересных мыслей о формировании личного спряжения в даргинском языке. Прав автор, когда пишет, что мегебская система личного спряжения отражает изначальное состояние (личным окончанием здесь оформлено только 1 лицо, 2 и 3 лица их еще не имеют).

Однако не все положения и выводы книги можно безоговорочно принять.

К числу недостатков рецензируемой книги относятся: а) неадекватная лингвистическая квалификация отдельных фактов даргинского языка; б) неточная передача некоторых диалектных данных; в) наличие различных опечаток в материале.

Едва ли следует выделять в описываемых диалектах сравнительный падеж с формантом *-чи + б/-чи + р*, поскольку функции сравнения в даргинском языке выполняет сравнительная частица *-йчиб/-йчир/-ичив*, которая присоединяется ко всем падежным формам. На наш взгляд, нельзя говорить о неместоименном происхождении личных окончаний *-с*, *-хIа*, ибо окончание *-с* и его фонетический вариант *хI* — материально и семантически увязываются с указательным местоимением *иш* (← **ис*) «этот», «то, что здесь», «я» (ср. чечен. *со* «я»). Личные окончания *-ра*, *-ри*, на наш взгляд, имеют не местоименное, а глагольное происхождение. Первичными следует считать не *ну* «я» и личные окончания *-ра*, *-ри*, а *ду* «я», *-да*, *-деI-ди*, ибо для истории даргинского языка скорее характерен переход *д* в *р* или *н* (ср. архаичное окончание эргатива *-дI-ди* в консервативном чирахском, кубачинском и других диалектах, а также окончание *-ни*, представленное в прогрессировавших диалектах акушинского типа, или слова акушинского диалекта *дугъна* «старуха», *дудзи* «сестра», *дурси*

«девушка», *ду* «я», записанные Клапротом в 1814 г., и современные акушинские *рухъна*, *рудзи*, *рурси*, *ну*).

Аналитические формы, рассматриваемые автором как падежные, не всеми специалистами признаются таковыми. Отдельные морфологические категории и грамматические особенности анализируемых диалектов не получили достаточного освещения.

К недостаткам рецензируемой работы следует отнести также плохое техническое редактирование. Местами текст читается трудно.

Среди неучтенных автором работ отметим статьи М.-С. М. Мусаева [1] и С. М. Гасановой [2].

Несмотря на указанные недостатки, книга С. М. Хайдакова «Даргинский и мегебский языки» является ценным вкладом в даргиноведение. В ней содержатся богатый и разнообразный фактический материал неизученных диалектов и говоров даргинского языка, ряд новых мыслей о статусе отдельных идиомов даргинского подразделения дагестанских языков, о его морфологических категориях.

Фактический материал и выводы, содержащиеся в книге, составят исходный пункт для дальнейшего изучения даргинской мофологии как в синхроническом, так и в диахроническом плане.

Мусаев М.-С. М.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мусаев М.-С. М. Чирагский диалект даргинского языка // Вопросы русского и дагестанского языкознания. Махачкала, 1975.
2. Гасанова С. М. Особенности падежной системы чирагского диалекта даргинского языка // Именное склонение в дагестанских языках. Махачкала, 1979.

Studies in ergativity / Ed. by Dixon R. M. W. Amsterdam — New York — Oxford — Tokyo: Elsevier Science Publishers B. V., 1987. 340 p.

Новый сборник, посвященный проблеме эргативности, составляют статьи, включенные в 71-й т. журнала «Lingua». Это издание, объединившее авторов чуть ли не всех континентов, хотя и уступает по количественным параметрам вышедшему около 10 лет назад аналогичному сборнику исследований по эргативности [1], несомненно, является отражением тех надежд, которые возлагают многие лингвисты на создание целостной типологии, способной по естественности своих

классификаций встать в одном ряду с другими сравнительными дисциплинами — ареальной и сравнительно-историческим языкознанием. Подтверждает подобную характеристику, на наш взгляд, и дискуссия по поводу соотношения интегральной и парциальной эргативности, развернувшаяся на одном из пленарных заседаний XIV Международного конгресса лингвистов [2—4].

Особые перспективы для создания цельной типологии появились в